

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154734-741>

Дауева Т.Т.,

к.и.н., старший научный сотрудник

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований

им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия

tdaueva@mail.ru

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья является историко-антропологическим исследованием специфики традиционного имущественного права осетин, в частности, его гендерного аспекта. Научному анализу подвергаются права собственности женщины на виды семейного имущества, а также ее имущественные права при заключении брака и бракоразводном процессе. Рассматривается и вопрос наследования имущества вдовой. Актуальность тематики предопределена востребованностью исследований правовой культуры каждого народа, ее трансформациями и воздействием на современный этнический облик. Исследование охватывает период с конца XVIII до начала XIX века – именно в этот период порядок наследования все еще действовал как институт обычного права согласно традиционным нормам обычного права осетин со всеми присущими ему особенностями, включая имущественно-правовое регулирование. И в то же время уже входили в действие нововведения российского законодательства. Целью данного исследования является анализ имущественного права, осуществляемого в рамках традиционной осетинской семьи. В исследовании используются методы, основанные на принципах научной объективности, системности и историзма. Основным подходом является междисциплинарный, включающий методы, сложившиеся в этнологии и истории, с широким привлечением источникового и литературного материала, что позволяет более детально реконструировать внутрисемейную культуру. Анализ событий и явлений проводится в контексте исторического времени социально-экономического и культурного развития осетинского общества. В научный оборот вводятся новые архивные материалы, большей частью – это судебные дела по распределению имущества, наглядно презентующие способы разрешения внутрисемейных конфликтов в вопросах наследования. Этнографические материалы в статье дают описание имущественных аспектов семейно-брачных отношений: размеры калыма, содержание приданого, права собственности женской части семьи. Автором исследованы трансформационные процессы в вопросах наследования, узаконения имущественных прав женщин в период внедрения российского законодательства в регионе. Сделан вывод, что в указанный период в вопросах раздела семейного имущества превалировал порядок регулирования, основанный на нормах обычного права. Выводы исследования также дают возможность углубленного изучения гендерной проблематики в традиционной правовой культуре.

Ключевые слова: гендер; обычное право; традиционное общество; имущество; наследство; большая семья; приданое; калым.

© Дауева Т.Т., 2019

© Дагестанский федеральный исследовательский центр, 2019

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154734-741>

Tamara T. Daueva,
Ph.D. (History), Senior Researcher
North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies after V.I. Abaev
Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz, Russia
tdaueva@mail.ru

PROPERTY LAW AND SPECIFICS OF INHERITANCE IN A TRADITIONAL OSSETIAN SOCIETY: THE GENDER ASPECT

Abstract. The paper is a historical-anthropological research of specifics of traditional property right among the Ossetians, in particular, of its gender aspect. The author subjects to scientific analysis women's property rights to types of family property, as well as their property rights during marriage and divorce. The issue of inheritance of property of a widow is also being considered. The relevance of the study is predetermined by the relevance of research on the legal culture of each nation, its transformations and impact on the contemporary ethnic appearance.

The study covers the period from the end of the 18th to the beginning of the 19th century; it was during this period that the inheritance order still acted as an institution of customary law in accordance with the traditional norms of customary law of Ossetians with all its inherent features, including property and legal regulation. And at the same time, the innovations of Russian legislation were already coming into effect.

The purpose of this study is to analyze property law exercised within the framework of the traditional Ossetian family. The study uses methods based on the principles of scientific objectivity, systematics and historicism. The main approach is an interdisciplinary one, including the methods that have developed in ethnology and history, with a wide involvement of source and literary material, which allows for a more detailed reconstruction of the family culture. The analysis of events and phenomena is carried out in the context of the historical time of the socio-economic and cultural development of Ossetian society.

New archive materials are being introduced to the scientific community. For the most part these are court cases on the distribution of property, which clearly present ways of resolving family conflicts in matters of inheritance. Ethnographic material presented in the article describes the property aspects of family-marriage relations: the amount of the kalym, the content of the dowry, and the property rights of the female part of the family. The author has studied the transformation processes in matters of inheritance, the legalization of women's property rights during the implementation of Russian legislation in the region. It is concluded that during the indicated period the regulation procedure based on customary law prevailed in matters of the division of family property.

The research findings also provide an opportunity for an in-depth study of gender in traditional legal culture.

Keywords: gender; customary law; traditional society; property; inheritance; large family; dowry; kalym.

© Daueva T.T., 2019

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2019

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Исследование имущественного права, переходящего по наследству от одной категории лиц к другой, помогает проследить процесс дифференциации в архаическом обществе, многообразие способов накопления имущества и закрепления его за определенными членами семьи. Данной проблеме в осетинской семье посвящена обширная литература преимущественно XIX – начала XX в. Вопрос в основном рассматривался в аспекте отсутствия у женской части семьи права на владение движимой и недвижимой собственностью.

Н.Н. Харузин в свое время отмечал, что имущественное и наследственное право напрямую зависят от общественного строя, в котором определяется частная и коллективная собственность, распространяющаяся на имущество семьи [1, с. 69]. М.О. Косвен, изучая семейную общину у народов Кавказа, рассмотрел основные положения фамильно-патронимического права. В частности, лидирующее положение мужчин в семейном быту он объяснил наличием у них имущественных прав [2, с. 137]. Также следует отметить труд А.А. Магомедова, исследовавшего внутрисемейные отношения и имущественно-правовые нормы осетин. Автор указал на динамику обычного права в условиях новых экономических отношений [3, с. 19]. В.Б. Пфаф провел сравнительный анализ обычного права осетин с памятниками римского, немецкого и славянского права. Взяв за основу в качестве источников судебные журналы сельских судов, опросы судей и местных жителей, он подробно остановился на семейном праве осетин, а также привел примеры конкретных судебных решений по разделу наследства [4, с. 258–325].

Ценными источниками, содержащими нормы обычного права, являются: сборники адатов разных лет, акты, фиксирующие раздел имущества, инструкции по различным вопросам Кавказской губернии. Приведенные материалы сохранились в отдельных фондах архива, а также в отдельных изданиях источников. Одним из источников, характеризующих имущественные отношения осетин по нормам права, является сборник адатов Ф.И. Леонтовича. Большая часть разделов источника посвящена гражданскому праву. Отдельными статьями вынесено семейное право осетин, в частности, наследственное право, разделы о брачных договорах, разводах, юридическом отношении супругов и супругов с детьми. Важно, что эти пункты расписаны детально по всем обществам осетин, а также дифференцированы по сословиям [5].

Наследственное право признано наиболее консервативной отраслью обычного права. Именно оно сохранилось в условиях полиюридизма: сельская община хранила свои традиции, жизненный уклад, согласно которым формы собственности регламентируются принятыми традиционными установками. Конкретнее – в праве наследования статус личности связывается с полом, возрастом, семейным положением и т.д. То есть, существовал дифференцированный порядок наследования между мужчинами и женщинами одной семьи, а также в отношении наследуемого имущества мужа и жены. Для осетин было характерно патрилинейное наследование, оно предусматривало наличие статусов главного и второстепенных наследников. Правовая система осетин в качестве субъектов наследования выделяла мужчин, в то время как женщины не обладали полнотой

правового статуса и не допускались к владению собственностью. В наследовании существовал принцип главенства – старший сын имел право на отцовское имение, либо на бóльшую его долю. Отметим, что имущественные отношения весьма показательны в вопросе социального статуса [6, с. 105].

Для традиционного общества осетин была характерна большая патриархальная семья, численностью до 30 человек и больше. Общесемейным имуществом считались: земля, основное поголовье скота, сельскохозяйственные орудия, жилые и хозяйственные постройки и т.п. Это имущество, получаемое по наследству, умножалось трудом всех мужчин и женщин семьи. Включалось сюда и приобретенное имущество – доходы членов семьи. Распад же большой семьи обычно сопровождался его разделением. Поскольку этот процесс мог оказаться весьма конфликтным, его регулирование происходило в соответствии с нормами обычного права. Существовали нормы дележа, которому подлежало все: земельный надел, дом, надворные постройки, поголовье скота, домашняя утварь, фамильное оружие, зерновые запасы. Исключение составляла одежда, обувь, головные уборы, которые составляли личную собственность отдельного члена семьи. При разделе недвижимого имущества учитывалось число родных братьев. Дележ производился между наследниками в равной части. Однако имело место преимущественное наследование старшим и младшим наследниками – майорат и минорат. Доли старшего и младшего определялись также от размеров и вида имущества, которое подвергалось дележу.

В пореформенный период в экономической сфере происходят весьма значимые трансформации. Согласно введенному российскому законодательству, женская часть семьи стала пользоваться правом на выделение части имущества в личную собственность. В проекте личных и поземельных прав 1859 г. отмечается: «Женщины, не имевшие до настоящего времени по обычаям никакого права на получение наследства, на будущее время получают это право в размере, который должен быть определен особым положением по народному приговору и при содействии местного начальства» [5, с. 54]. Период распространения российского законодательства ознаменовался получением женщинами права на владение, а также самостоятельное распоряжение имуществом. В постановлении народного собрания Осетинского округа 1859 г. указывается, что все члены семьи беспрепятственно могут получить право на наследство по христианскому или по законному завещанию [7, с. 63]. Однако эта новация: разрешение оставлять письменное (заверенное) или устное завещание, как правило, озвученное при свидетелях – не получило широкого распространения и популярности среди женского населения. Причиной тому, вероятно, была приверженность к древним адатам, а также незнание ими процедуры составления законных завещаний. Впрочем, надо отметить, институт завещания имущества получил развитие, но только к началу XX в.

Имущественные права женщин, не вышедших замуж и оставшихся жить в родительском доме, были существенно ограничены. К этой же категории также были причислены снохи – бездетные или имевшие только дочерей. По нормам

обычного права они не имели своей доли в общем семейном имуществе. Вместе с тем, если во время разделения наследства в доме были женщины преклонного возраста (тетки, сестра), то им из наследства выделялась часть движимого имущества. [8, с. 380]. Она предназначалась для их содержания, приданого, а также погребения и поминок в случае смерти. Эту долю отдавали в распоряжении того брата, с кем женщина оставалась жить после распада семьи [8, с. 379].

Девушки, покинувшие отчую семью, не имели права претендовать на ее имущество. Однако статус замужней женщины давал им возможность обладания некоторой собственностью. Одной из статей приобретенного имущества был калым, получаемый семьей невесты. Исследователь осетинских свадебных обычаев и традиций указал, что «размер калыма устанавливался от 25 до 100 коров и зависел от знатности фамилии девушки» [3, с. 234]. Полученный выкуп за девицу являлся собственностью ее семьи. Если говорить точнее, то он принадлежал ее отцу, либо в случае его смерти, ее братьям, родственникам по мужской линии. Выбора, кому уплатить калым, не было, он вручался тем, в чьем доме воспитывалась невеста. С конца XIX в. происходят изменения в брачном договоре. «Приговор осетинского народа» от 1859 г. требовал передавать одну треть часть калыма в собственность невесты [9, с. 20]. Это решение стало одним из важнейших в развитии имущественных прав женщин.

Как указывают источники, с середины XIX в. приданое закрепилось как обязательный компонент свадебной обрядности. Приданое невесты также включало часть полученного калыма. В исследовании «Народное право осетин» В.Б. Пфаф указывал: «Прежде как видно, было у осетин обыкновение из 25 коров полного калыма отдавать 6 или 7 коров в приданое невесте, т.е. ей покупали платья и домашнюю утварь» [4, с. 296]. Так, калым за Мисирхан К. получил дядя по отцу, так как отец умер, она сама жила с матерью и маленькими братьями под его опекой. Калым был распределен следующим образом: дяде по матери за согласие на брак – 2 быка, братьям – 5 быков, 2 коровы, 3 лошади, 30 рублей деньгами, самой Мисирхан 160 рублей, дяде по отцу – 200 рублей и 3 быка¹.

Следует указать, что в традиционном наследовании существовало понятие личного имущества, приданое женщины попадало именно под эту категорию. Имущество, которое жена приносила с собой после свадьбы, состояло из предметов, предназначенных для совместного пользования мужа и жены – постельных принадлежностей, домашней утвари, а также личных вещей невесты – платьев, украшений, а также подарков для новых родственников [10, с. 107]. Приданым девушку обеспечивал отец, а в случае его смерти – брат или дядя, в доме которого она проживала. По адату, женская половина семьи располагала этой своей неотъемлемой собственностью, правда, не вышедшие замуж не могли ею свободно распоряжаться. Как мы уже указывали, живя в родительском доме, девушка не имела прав на семейное имущество. Имущественное право закреплялось за ней исключительно после замужества.

¹ Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф.113. Владикавказский окружной суд. Оп.1. Ед. хр. 32.

В случае развода имущественный вопрос решался согласно нормам обычного права. Согласно адатам, муж имел право на развод по причинам бесплодия жены, отсутствие наследников-сыновей, болезни, либо измены жены. В этих случаях за ним оставалось право на возврат только половины калыма. В случаях развода по инициативе мужа без основательной причины, он терял право на возврат части калыма. Развод по желанию жены предусматривал возврат всего калыма или его большей части мужу [11, с. 27].

Отдельно коснемся вопроса наследования вдовой. Вдова возвращалась в родительский дом и имела право забрать свое приданое, имущество умершего мужа к ней не переходило. В случае, если вдова не уходила в родительский дом, за ней сохранялось право пользования землей, некоторым количеством голов скота того члена семьи, с кем вдова оставалась жить. Приведем текст адата: «Бездетной жене или имеющей одних только дочерей, оставляется имение на год для поминок покойника; а потом отдается родственникам, у которых она может жить; если же она этого не пожелает, то родственники берут к себе незамужних ее дочерей, а ей, для пропитания, выделяют какую-нибудь неважную часть имения» [5, с. 6].

В XIX в. в Окружном суде г. Владикавказа появляются дела, в которых вдовам с малолетними детьми присуждается доля из имущества семьи мужа, которая по нормам обычного права принадлежала бы их отцу при разделе общесемейного имущества. В 1859 г. Майором Красницким был разработан проект личных и поземельных прав для жителей Осетинского округа. В пункте 86 указывалось, что после смерти мужа, который заплатил калым во время заключения брака, жена может не оставаться в доме наследников, а имеет право на долю наследства, полную свободу и возможность переселиться в отцовский дом².

Вдова-опекун становилась полноправной хозяйкой дома и пользовалась семейным имуществом пожизненно. Наглядный пример прав вдовы показывает приговор медиаторского суда сел. Новохристианского в 1880 г. Вдова Фардаус заявила жалобу на притеснение со стороны своего деверя Можи К., вследствие чего ей пришлось вернуться в дом своего брата. Она получила следующее судебное решение: «Фардаус должна перейти в дом Можи К. и быть в нем полной распорядительницей хозяйства, как этого требует обычай. Если она пожелает уйти, то должна получить от деверя 150 р. и перейти жить куда угодно к родственникам. Однако в случае если она выйдет замуж, то должна оставить себе 50 р., а остальные 100 р. вернуть Можи, либо лицо, за которое она выходит замуж, выплачивает Можи 100 р. Если Можи прогонит ее, то должен уплатить ей 200 р. Если Фардаус умрет в доме Можи, все вещи, бывшие у ней при выходе ее в замужество, должны быть возвращены ее родственникам согласно обычному порядку. Похороны ее и поминки должны быть отнесены на счет Можи К.»³.

² Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 113. Владикавказский окружной суд. Оп.1. Ед. хр. 147.

³ Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 113. Владикавказский окружной суд. Оп. 1. Ед. хр. 57.

В осетинской традиционной семье имущественные права регулировались действовавшей системой обычного права. Патриархальный порядок способствовал тому, что коллективная форма собственности внутри семьи сохраняла свое доминирующее положение, что во многом определяло основы их социальной и хозяйственной жизнедеятельности. По обычаю, право на долю родового имущества имела мужская часть семьи. Вдове выделялась часть имущества, но она не обладала самостоятельностью в распоряжении им – до взросления сыновей имущество находилось под опекой и надзором одного из братьев мужа. Имущественные права женской части семьи (сестер, дочерей, теток, племянниц) были существенно ограничены. Женщины, как правило, обладали гарантом проживания и обеспечения средствами на существование.

Таким образом, источники свидетельствуют о том, что в исследуемый период доминировали нормы обычного права, они превалировали над российскими юридическими уложениями. В реальной практике государственное право, основанное на установлении личных прав всех членов семьи на имущество, уступало праву обычному. То есть нормам, согласно которым имущество закреплялось за всем семейным коллективом. Влияние российского права на традиционное наследование все же сказалось на некоторых аспектах, в частности, на расширении прав владельцев имущества, на ограничении власти главы семьи в распоряжении наследством, на введении института завещания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харузин Н.Н. Этнография. Т.3. Санкт-Петербург, 1903. 332 с.
2. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. 219с.
3. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. 367 с.
4. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т.2. С. 258–325.
5. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. Вып. I. 437 с.
6. Хадикова А.Х. Гендерная идентичность осетин как этнокультурный феномен: этноисторические характеристики и предпосылки формирования // Вестник Северо-Осетинско-

REFERENCES

1. Kharuzin NN. *Ethnography [Etnografiya]*. Vol. III. St Petersburg, 1903.
2. Kosven MO. *Family community and patronymy [Semejnaya obshina i patronimiya]*. M.: Academy of Sciences USSR, 1963.
3. Magometov AH. *Social structure and the life of Ossetians (XVII–XIX centuries) [Obshchestvennyi stroi i byt osetin (XVII - XIX vv.)]*. Ordzhonikidze: Ir, 1974.
4. Pfaf VB. *People's law of Ossetians [Narodnoe pravo osetin] Collected materials about the Caucasus [Sbornik svedenii o Kavkaze]*. Tiflis, 1872. Vol. II: 258–325.
5. Leontovich FI. *Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on customary law of the North and East Caucasus [Adaty kavkazskikh gortsev Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza]*. Odessa: Typography of P.A. Zelenogo, 1882. Issue I.

го государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 3. С. 102–109.

7. Канукова З.В. Гендерные процессы в Осетии в периоды общественных трансформаций // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы VI международной научной конференции РАИЖИ и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. 2013. С. 63–65.

8. Есиев А.Б. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Ир, 2006. Кн. 4. С. 375–391.

9. Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011. 26 с.

10. Багаев А.Б. Фаты бах в свадебной обрядности осетин // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 764–771.

11. Дзгоева Э.П. Наследственные права женщины в традиционном осетинском обществе конец XVIII – XIX вв. // Известия СОИГ-СИ. Школа молодых ученых. 2014. № 11. С. 105–111.

6. Khadikova AKh. Ossetians Gender identity as ethno-cultural phenomenon: ethnohistorical characteristics and conditions of formation [Gendernaya identichnost' osetin kak etnokul'turnyi fenomen: etnoistoricheskie kharakteristiki i predposylki formirovaniya] *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova*. 2011. № 3: 102–109.

7. Kanukova ZV. Gender processes during social transformations in Ossetia [Gendernye protsessy v Osetii v periody obshchestvennykh transformatsii] *Russian gender history from the "South" to the "West": the past determines the present [Rossiiskaya gendernaya istoriya s "yuga" na "zapad": proshloe opredelyaet nastoyashchee]* *Proceedings of the VI international scientific conferences of RAIJI and the Institute of ethnology and anthropology after N.N. Miklukho-Maklaya of RAS*. 2013: 63–65.

8. Esiev AB. Customary land law and land tenure highlanders of the Terek region [Obychnoe zemel'noe pravo i pravo zemlevladieniya gornykh osetin Terskoi oblasti] *Periodicals of the Caucasus on Ossetian and the Ossetians [Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh]*. Comp. by L. A. Chibirov. Vladikavkaz: Ir, 2006. Book 4: 375–391.

9. *The resolution of the Ossetian people [Prigovor osetinskogo naroda]*. Vladikavkaz, 2011.

10. Bagaev AB. Bridal veil in the Ossetian wedding ceremony [Faty baekh v svadebnoi obryadnosti osetin] *Modern problems of science and education [Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya]*. 2013. № 6: 764.

11. Dzagoeva EP. Women's inheritance rights in the traditional Ossetian society in the end of the XVIII–XIX centuries [Nasledstvennyye prava zhenshchiny v traditsionnom osetinskom obshchestve konets XVIII–XIX vv] *Proceedings of SOIGSI. The school of young sholars [Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh]*. 2014. № 11: 105–111.

Статья поступила в редакцию 11.09.2019 г.